

Виктория Кремлёва

ПУШИСТОРИЯ:
ДРАКОН В
ВОЛШЕБНОМ ЛЕСУ

Детская
сказка

Виктория Кремлёва

**Пушистория: Дракон в
Волшебном лесу. Детская сказка**

«Издательские решения»

Кремлёва В.

Пушистория: Дракон в Волшебном лесу. Детская сказка /
В. Кремлёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850995-7

Маленький лесной соня по имени Пуша все бы отдал, чтобы не считаться всеобщим героем из-за своего выдающегося хвоста. Зверек отчаянно желает быть обыкновенным. Но у судьбы совсем другие планы: не без помощи хвоста Пуша поможет в беде многим жителям и заведет новых друзей. Но сможет ли он оправдать чужие надежды, когда давняя вражда небесных созвездий грозит разрушить лес? Эта история о том, что только крепкая вера в себя порой и способна спасти наш хрупкий мир.

ISBN 978-5-44-850995-7

© Кремлёва В.
© Издательские решения

Содержание

I. Тяжело быть необыкновенным	6
II. Беспричинное хвостораспушение и как с этим бороться	7
III. Кленовый вкус добра	12
IV. И не белка, и не крот, надерите Пуше хвост!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пушистория: Дракон в Волшебном лесу

Детская сказка

Виктория Кремлёва

© Виктория Кремлёва, 2017

ISBN 978-5-4485-0995-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Тяжело быть необыкновенным

Когда тридцатого дня по майской весне в домике под шоколадным дубом – а шоколадным он назывался, потому что с ветвей его опадали желуди из чистого молочного шоколада, и никого не интересовало, отчего так: ведь в Волшебном лесу всегда то желуди необычные, то жители говорящие, – так вот, когда под этим самым дубом на свет появился Пуша, никто и не думал, что он будет отличаться от своих сородичей – лесных сонь. И особенным его делал не розовый носик, слегка подергивающийся от ветра, и не черные, словно ониксовые бусины, глазки и не рыжая шерстка, а пушистый хвост. Ну а что же в этом такого, верно, подумает каждый – нынче пушистым хвостом мало кого удивишь. Что ж, справедливо. Сейчас сколь бы то ни было приличным хвостом обладает каждый дворовый пес или мало-мальски уважающая себя кошка, но в древние времена, когда деревьев в лесу было не счесть, а живописные лужайки так и звали устроить на них пикник с приятелем, пушистый хвост являлся признаком особой доблести. И поверьте этим словам – ни одному жителю леса доселе не доставался такой роскошный подарок. Поэтому вопреки старой традиции сонь давать потомству имена соответствующие месяцу рождения, маленького соню назвали не как иначе, чем Пуша – именем, прославляющим его великое достоинство – пушистый хвост.

Но, как известно, шило в мешке не утаишь, и очень скоро все лесные обитатели, даже из самых дальних уголков, стали приходить к шоколадному дубу полюбоваться на Пушин хвост. Кролики, жуки, флоринки – летающие куколочки с крыльями из цветочных лепестков – и даже сама лунная черепаха, что просыпалась в полнолуние и то на час, а то и меньше, не смогли удержаться от любопытства. И скоро вывеску дома для общего удобства пришлось сменить с «Дома Лесных Сонь, 17» на «Дом, где живет Пуша. Милости просим, 17».

– Ну диво же! – восхищался каждый, увидевший зверька столь незначительной наружности со столь многозначительно пушистым хвостом. Так, к примеру, смотрели бы на вас, имей вы три ноги или свисающие до пола уши. Что говорить, если даже старый, много повидавший филин-звездочет, которого в лесу уважали все без исключения, рассматривал Пушу под водяной лупой и удивленно ухал: «Великолепно пушистый х-хвост, я вам скажу. Я таких не встречал».

И все точно знали, что когда-нибудь этот хвост сослужит малышу добрую службу, а, может, и всему лесу. Такой шум подняли эти лесные жители, что, если бы до саванны или джунглей вести доносились быстрее, чем лунная черепаха обойдет земной шар, то и там бы уже знали, какой особенный зверек живет в Волшебном лесу.

Только самому крохе было невдомек, чем же таким он отличается от других. Пушистый хвост да и только. «Как же, порой, хочется быть просто соней, как мама и папа, – засыпая, думал Пуша. – И как же сложно быть самым обычным грызуном в лесу, где все почему-то считают тебя великим».

II. Беспричинное хвостораспушение и как с этим бороться

Одним летним утром, когда Пуша уже немного подрос, мама Соня поручила ему собрать корзину шоколадных желудей в подарок почтенной семейной паре: госпоже Совушке и филину Звездочету. Ходить в гости, тем более за советом, без подарков было невежливо.

– Это филин рассматривал мой хвост под лупой? – вытягивая шейку, по дороге поинтересовался Пуша, – таким образом он всегда проявлял любопытство, которое, к слову сказать, было ничуть не меньше желания быть как все, безо всяких там особых хвостов.

– Не рассматривал, а восхищался! – мама легонько хлопнула сына по носу. – И хватит вопросов, мы опаздываем.

Пуша вообще все время что-то спрашивал – ведь сколько интересного в этом новом для него мире. И огорчало только то, что уже несколько дней он, напуганный излишним вниманием к своей персоне, ни с того, ни с сего распушал хвост и прятался за ним несколько часов кряду. Вот и сегодня Пуша в компании своего хвоста проводил на деревьях непозволительно много времени, а все потому что каждый считал необходимым осведомиться, не успел ли он совершить чего необыкновенного. Причин своей реакции на это соня и сам до конца не понимал. Знал только, что ему становилось очень неловко от этих разговоров, а дальше хвост вел себя так, будто бы сам принимал решения о своей пушистости.

По этой причине до дома Звездочета или дядюшки Филина, как часто его называли младшие жители леса, добрались не раньше половины дня. Размашистый домик находился на самой высокой горке на опушке леса. «Здесь удобно наблюдать за звездами и рассчитывать следующую лунную дорожку», – с умным видом когда-то заявил жене дядя Филин. Да она и не возражала разделить с ним его старое жилище, лишь бы муж занимался любимым делом.

При входе в дом косо висела табличка:

«Небесных дел мастер всегда вам рад. Стучать три раза, а после подождать».

А ждать нужно было, потому что филин большую часть времени проводил в своей астрономической обсерватории под самой крышей дома, и ему требовалось время, чтобы спуститься вниз.

Мама Соня, как и положено, три раза постучала, но не прошло и мига, как дверь открыла госпожа Совушка, одетая в домашний передник. Из дома пахнуло сладостью. Пуша тут же просунул головку внутрь, пытаясь определить, отчего исходит такой аппетитный запах. Уж что-то, а сладости были самой любимой едой Пуши. Если мама Соня готовила свой фирменный пирог с кленовым сиропом, он был тут как тут: почти что мурлыкая, Пуша сначала выпивал оставшийся в бутылочке сироп и только потом принимался за сам пирог.

Оказавшись в доме и, наконец, получив свободу от маминых беспокойств, – та с увлечением принялась рассказывать Совушке о причинах ее визита, – Пуша оглядел жилище Звездочета. Большой дом снаружи внутри оказался довольно тесным: может, не в последнюю очередь благодаря тому, что небрежные стопки энциклопедий высились на каждой свободной поверхности, и оставляли место, пожалуй, только паре раскрытых книг, в которых постоянно что-то посверкивало. Незнакомцу это зрелище могло напомнить игривое отражение солнечных лучей в зеркальной глади воды. Засмотревшись на необычное действо, Пуша едва не наступил на свернутый в трубочку свиток с золотыми краями. Он поднял его, развернул и в самом начале прочитал:

«Декларация соседства Волшебного леса и Высочайшего в своем благополучии Королевского леса».

Ничего не поняв в названии, Пуша не стал читать дальше, – он скрутил свиток обратно и положил его на полку, где, ни на секунду не прекращая, вращались сферы на тоненьких ножках. «Неужели здесь и отдохнуть негде», – подумал Пуша и тут же в самом углу заметил деревянное кресло-качалку, но, приглядевшись, понял, что и его укрывало одеяло из темно-синих карт. Выходило, что только ароматный запах уюта, стол да плита свидетельствовали о том, что в доме Звездочета живет и его супруга.

Как раз к окончанию Пушиной самовольной экскурсии по дому, госпожа Совушка поставила на стол поджаренные пирожки: «Ухух, дорогие мои, угощайтесь». Мама Соня с Пушей расселись вокруг стола.

Послышался скрип ступенек – это спустился Звездочет.

– Надо же, забыл! – на что-то сетовал он. – Ухух, женушка, представляешь? Не вспомню, куда карты звездного неба положил. Совсем старый ста... – дядюшка Филин заметил маленького гостя и потому не договорил.

– Кого я вижу! – позабыв о пропаже, воскликнул Звездочет. Он дернул за кисточку на конической шляпе и положил ее на кухонный стол. Пуша заметил, как забавно в разные стороны торчат серо-белые перышки на его плоской макушке. Но уже в следующую минуту, сам от себя не ожидая, соня нырнул под стол и спрятался за распушившимся хвостом.

– Видите, господин Звездочет, что я вам говорила, – обеспокоено сказала мама Соня. – Сама не понимаю, что с ним такое, – да и откуда ей было это знать, если хвост и повышенное внимание достались не ей, а ее маленькому сону. – Ну же вылезай, малыш, – ласково позвала она испуганного Пушу.

– Хм-м, – филин задумался, – и чтобы это могло быть?

– Беспричинное хвостораспушение? – подкинула мысль Совушка.

– Вполне возможно, вполне возможно... – филин потер крылом клюв, а затем почему-то отвлёкся от раздумий и поинтересовался: «А что, любимая женушка, остались ли у нас яблоки с карамельной корочкой, которые мы по осени заготовили?»

Совушка радостно заушала и ответила, что яблоки, конечно, остались и, как можно было про них забыть, она сама не понимала. Скоро все трое, словно и не было проблемы хвостораспушения, обсуждали первые учебные классы Пуши, которые должны были начаться со дня на день.

Аромат карамели заполнил каждый уголок радушного дома, и Пуша подумал, что никто даже не заметит, если он тихо вылезет из укрытия и съест хотя бы маленький кусочек яблока: так сначала над краем стола показались его темные глазки, затем нос, а еще через минутку он как ни в чем не бывало сидел вместе со всеми, с удовольствием поедая сладкое угощение. Но от опытного дядюшки Филина ничего не утаишь.

Спустя час Пуша окончательно осмелел и внимательно изучал каждый незнакомый предмет в обсерватории Звездочета. Например, на подоконнике соня увидел ту самую водяную лупу, через которую тот некогда рассматривал его хвост. На увесистой деревянной рукоятке было написано:

«Для преобразования дальнего в ближнее. Премия лесных изобретателей присуждается Звездочету за уникальную технологию замораживания воды из реки Чистянки».

Прозрачная линза была холодной и покрыта какой-то оболочкой. «Это пленка с копыта пугливой косули – не дает льду таять», – пояснил филин, заметив, с каким интересом, соня разглядывает лупу.

– Дядюшка Филин, как у вас увлекательно! – теперь Пуша смотрел в телескоп, направленный точно в небо.

– Знаю, – радостно отозвался Звездочет. – Ухух, а скоро можно будет разглядеть Венеру. В этом месяце она первой появится на западном горизонте: в-о-он там, – филин слегка поправил телескоп, чтобы было видно левую четверть темнеющего неба. – И Сириус, его тоже можно будет увидеть. Он самый яркий из всех звезд.

– А их разве много, звезд этих? – вытянул шейку соня.

– Конечно, много. Но Сириус такой один.

– Должно быть, ему очень неуютно быть самым ярким на небе, – грустно вздохнул Пуша и уселся на один из раскрытых томов по астрономии. Вдруг что-то острое укололо ему бок. Пуша присмотрелся и увидел торчащие из разворота книги зубчики от вырванных страниц.

– С чего бы Сириусу чувствовать себя неуютно? – вопрос филина отвлек соню, и он пояснил, что, наверное, все считают Сириус самым ярким, а он сам не понимает, отчего. Горит себе и горит, не больше и не меньше, чем все остальные, и еще ему, наверное, жуть как хочется быть самой обычной звездой, а не каким-то... Сириусом.

– Ухух, и что ж с того, что он ярче других? – продолжал расспросы Звездочет.

– А с того, – начал Пуша, – что, может, нам только кажется, что Сириус самый-самый. А когда все узнают, что он обычная звезда, будут очень в нем разочарованы. И вовсе он не самый яркий, и совсем он не герой.

Филин о чем-то призадумался, затем подошел к полке, на которой попеременно с берестяными листами и шарами, похожими на гигантские капли ртути, стояли небольшие колбочки, и из самого дальнего уголка достал покрытый толстым слоем пыли фотоальбом. Раскрыв его, Звездочет чихнул. На первой картинке был изображен небольшой филин, заморожено рассматривающий небо.

– О, дядюшка Филин, это же вы! – Пуша сразу узнал его по густым бровям, взъерошенным перьям и любознательному взгляду.

– Видишь, какой я здесь молодой, – с легким сожалением сказал филин. – Ну да ладно... Небо и звезды меня всегда увлекали. А вот тут я поступил в Почетную Школу Астрономии, – Звездочет крылом указал на фотографию, где он стоит в синей четырехугольной шляпе студента на фоне еще одной штуковины для изучения неба. – Ну, в ту школу, что на другом конце леса находилась, пока ее не закрыли.

– Как это закрыли? Если она была «Почетная», то почему закрыли?! – не понимал Пуша.

– Ухух, именно так. Это раньше звездочеты были на пересчет, а потом... – филин замолчал.

– Что потом? – с нетерпением спросил Пуша.

– Видишь ли, малыш, ты еще мало знаешь и, к тому же, не бывал за пределами нашего леса, но за рекой Чистянкой есть и другой мир. Те, кто там живет, называют его Королевским лесом, а себя королевскими жителями.

– Так я читал о нем... – вспомнил Пуша, – в вашей длинной штуке... де-клара-мации.

– Вон оно что... в декларации? – поправил филин.

– Именно! Я, правда, ничего не понял, что это за де-ламар-акация такая. В особенности не ясно при чем здесь цветы акации...

Филин засмеялся, издавая скрипучие звуки, похожие на писк ржавых качелей – «И-и. И-и». Но Пуша подумал, что это дядюшка Филин съел лишнего, а теперь страдает от последствий – икает то бишь. Кто же знает, как у филинов пищеварение устроено?

– А я-то думал, что Волшебный лес повсюду, – удивился Пуша.

– Не совсем так, – ответил филин. – Волшебный лес всегда начинался на закате солнца и заканчивался перед западным берегом Чистянки. А на противоположном берегу начинался Королевский лес. Но Школа Астрономии у нас все же была одна. Это было удобно, – лучшие

умы учились в ней. До тех пор, правда, пока ее доброго основателя, старейшего из всех филинов – Клюва, не обвинили в обучении пустой и никому не нужной науке.

– Но если астрономия – пустая наука, тогда зачем вообще было открывать школу? – спросил Пуша.

– Ухух, ты прав, малыш. Но в том-то и дело, что так считали не всегда. Как открыли, так и закрыли. У всего есть причина, Пуша. Я об этом ни с кем не говорю, ну, может, только с Совушкой, Ни каждый поймет мои размышления. – филин тяжело вздохнул. – Как бы то ни было, меня лишили звания Звездочета Лесной Общины. Не то чтобы я расстраивался, но, слава лесным духам, хотя бы Звездочетом Волшебного Леса остался, – дядюшка Филин задумался, потом прищурился и с сомнением посмотрел на Пушу. – Только я тебе этого всего не говорил. На лесных классах вам такого пока не расскажут – слишком маленькие вы еще. Придет время, и ты сам во всем разберешься. Запомнил? Никому!

– Честное лесное слово! – пообещал Пуша.

– Признаюсь тебе еще кое в чем, – заговорщическим тоном сказал филин. – Одно время я тоже думал, что астрономия никому не приносит пользы. И все же я продолжал самостоятельные исследования неба. И вот тридцать лунных затмений назад по моим расчетам в наш лес должен был упасть метеорит. Но никто мне не верил. Соседи перестали со мной общаться, считая меня вруном, только флоринки иногда навещали, чтобы развлечься историями о созвездиях. И если бы не Совушка, может, я так и не стал бы Звездочетом.

Пуша спросил, что такого она сделала, но вместо ответа дядюшка Филин поковылял к старому комоду, чтобы достать оттуда обтянутую кожей коробочку. Звездочет не спешил открывать ее, а поставил прямо перед носом маленького сони и, подойдя к выцветшему глобусу, принялся рассказывать, как однажды встретил молодую сову. «Она жила в том самом Королевском лесу и заблудилась, попав к нам. Я показал дорогу к ее дому, а по пути рассказывал про звезды и про то, что метеорит может разрушить наши жилища. И представляешь, Пуша, она мне поверила и даже уговорила всех переселиться на время опасности». Пуша в полуха слушал историю, – уж больно таинственная коробочка влекла содержимым. И только усилием воли и наличием рамок приличия, она оставалась на том месте, куда ее поставил Звездочет.

– Дядюшка Филин, так ваши расчеты все-таки оказались верными? – спросил соня.

Звездочет перелистнул страничку в альбоме, и на одной из картинок Пуша увидел с десяток разноцветных флоринок, свою маму Соню, целое семейство зайцев, сов и многих других, а на огромном камне стоял Звездочет с привычной всем шапкой-конусом на голове.

– Метеорит упал ровно туда, куда я и думал, а поскольку все жители ушли в соседний лес, – мы были спасены, – сказал филин и потянулся за коробочкой.

Невообразимо сияющее нечто озарило обсерваторию. Со страху соня отскочил в другой конец комнаты и распушил хвост аж до собственных размеров.

– Дружок, так не пойдет, – обратился к Пуше филин, – если хочешь знать, что здесь, придется подойти и посмотреть.

Соня немного отодвинул хвост, высунул из-за него мордочку.

– Знаешь, – продолжал Звездочет, – пусть тебе пока не под силу справиться со страхом – он для тебя пока слишком велик, но ведь к большому всегда можно прийти потихоньку – маленькими шагами. Вот и начни с малого. С хвоста, например.

Поразмыслив мгновение над этими словами, Пуша вспомнил, как в один из июньских дней за окном домика под шоколадным дубом лил дождь, и все бы ничего, только продолжалась эта унылость дня три без просвета. Настроение было хуже некуда, и вот тогда мама Соня впервые приготовила для него похожий на солнце пирог с кленовым сиропом. Он был огромный, с подрумяненной сеточкой из скрученных жгутиков теста – аппетитный, ароматный и пышный, словно взбитая перина. Пуша смутился: «Как же хочется его съесть, но разве ж осилишь столько враз». – «А ты по кусочку», – подсказала мама Соня. По началу Пуша съел совсем

немного, – настроение улучшилось, а вот пирога с каждым разом становилось все меньше и меньше, пока он в тот же вечер вовсе не исчез, оставив после себя только крошки.

Таким образом слова Звездочета вовремя подкрепились вкусным опытом самого Пуши, и он маленькими шажочками снова оказался рядом с коробкой. Только то, что лежало внутри нее уже не источало свет, а имело легкий серебряный отлив.

– Так-то лучше, малыш, – филин погладил Пушу по рыжей шерстке. Оказалось, внутри лежал продолговатый камушек. Филин пояснил, что Совушка подарила ему осколок того метеорита, чтобы он никогда не забывал, что лучшего Звездочета в этом лесу просто нет.

– Эта штука, если хочешь, символ веры – веры Совушки в меня, – пояснил Звездочет.

Пуша коснулся холодной поверхности камня, и сейчас он не казался ему таким уж пугающим.

– Пожалуй, самое время отдать его тебе, – филин повесил осколок на веревочку и передал его новому хозяину.

– Это м-м-не? – от волнения Пуша не мог выговорить и пары простых слов.

– Конечно, немного веры ни одному х-хвосту не будет в излишек. Это ты его хозяин, а не он твой и только тебе решать, когда его распушить, – добрые глаза филина превратились в щелки. – А этот камень – волшебный, леонит называется, потому что упал из созвездия Льва.

– А как же вы без леонита, дядюшка Филин? Разве вам больше не нужна вера?

Звездочет ухнул и ответил, что, если такая необходимость когда-нибудь возникнет, то Пуша, наверняка, даст ему поносить его на время. На том и порешили.

– А что до Сириуса, – на выходе из обсерватории Звездочет остановился и глянул на Пушу с хитринкой, – то если б мы в него не верили, ну как Совушка в меня, то, может быть, он не светил бы так ярко. Что скажешь?

Время прошло незаметно, да и хозяева должны отдыхать от гостей, и мама Соня с сынишкой засобирались домой. Пуша был счастлив от того, что отныне у него с самим Звездочетом есть пара секретов, в том числе маленький секрет сияния Сириуса.

Уже на пороге радушного дома Пуша поинтересовался, почему в одной из книг наверху выдраны несколько страниц.

– Ухух, да я и не помню, – растерявшись, ответил филин и постучал себя крылом по голове. – Вот дурень... но разве ж упомнишь зачем это я? Совсем старый стал.

«Точно, – подумал Пуша, – карту он ведь на кресле так и не обнаружил. Эх, жаль книгу. И филина жалко». Но теперь у сони на шее висел леонит, прекрасно отвлекающий от посторонних мыслей. И верно – на пути домой Пушин хвост вел себя крайне прилично.

III. Кленовый вкус добра

С самого утра в доме сонь царила суета. Мама не пожалела пары тюбиков хвойного экстракта да мыльного корня и раза три намывала Пушу и особенно тщательно его хвост. А папа Соня прыгал вокруг сына и подбадривал его веселыми историями из своей учебной жизни, но потом все же успокоился (кто-то ведь должен был сделать это первым) и стал мирно читать газету «Лесные вести», запивая порцию свежих новостей охлажденным рябиновым соком

– Первый класс самый важный, – сказала мама Пуше, пока собирала в его рюкзачок угощения для всего класса: ягоды, орехи и, конечно, шоколадные желуди.

– Ты познакомишься с маленькими жителями леса, которые станут твоими друзьями на долгие годы, – теперь мама взялась расчесывать и без того ухоженный хвост сына.

– Безобразие! – воскликнул папа Соня и выглянул из-за газеты. Заметив всеобщее удивление, он не менее жарко пояснил: «У Чечетки в гнезде вылупился птенец Зеленушки!»

– Это у той, что по утрам трещит на каждой березе? – уточнила мама.

– Угу, – подтвердил папа.

– Тогда я знаю, кто в этом виноват. Это старый кролик-бородач яйца смешал. Видела на днях, как он в когтях тащил чужое яйцо и, видать, подкинул его чечетке-трескунье. Потешается все, пожилой шалун. Пуша, не вертись! – приструнила его мама, когда тот, устав от прихорашиваний, попытался улизнуть.

– Стыд! Теперь малыша не могут поделить две матери! – подытожил новости папа Соня.

Все приготовления, а так же обсуждения пернатых соседей, к счастью, закончились, и тогда Пуша надел недавно подаренный талисман, на всякий случай прикрыв его рыженькой шерстью. Леонит придавал спокойствие, теперь хвост был под контролем, ну или Пуше так казалось. «Ведь если замаскировать необычный хвост под обычный, то никто не будет ожидать от тебя особых поступков», – подумал он.

День был прекрасен: солнечные лучи пронизывали кроны деревьев и мягким светом застилали лесные тропинки. Пуша на минутку остановился и вдохнул аромат свежести утренней зелени, на которой радужными переливами блестели капельки росы. Маленький соня уже успел полюбить Волшебный лес – лучшего места для жизни и не представишь!

– Ну что же ты остановился?! – крикнула мама Соня. – Беги за мной, я провожу тебя!

Наконец, Пуша догнал ее.

– А теперь запомни: учитель Студень... – поясняла мама, пока они бежали по узкой дорожке между высокими кленами.

– Кто-кто? – Пуша громко засмеялся, услышав странное имя.

– Ничего ты не понимаешь, – нахмурилась мама соня. – Учитель хоть и старый бобер, но шустрый и очень добрый. Я была его любимицей в свое время.

Пуша не очень обрадовался этому факту – повышенное внимание и без того осложняло жизнь, а быть сыном лучшей ученицы никак не упрощало этого положения. В это же самое время что-то ударило соню по голове. Пуша оглянулся, но никого не обнаружил. Бух! Еще одна еловая шишка приземлилась ему точно в темечко, хвост непроизвольно превратился в лохматый веер, и малыш, прижавшись к земле, начал осматривать окрестности. Но никто опять не издал и звука, только кусты слегка покачивались. Не может быть, чтобы кто-то прицельно метил в него. Или может? «Наверное, с ближайшей ели шишка упала, созрела и упала», – решил Пуша. Ведь он ничего толком не знал про лес. Соня дотронулся до леонита: стало спокойней, и хвост потихоньку усмирился. Оглядевшись по сторонам, он нашел маму, – она как раз как раз собиралась перепрыгнуть с невысокого орешника на березу. Вцепившись передними лапами в ствол дерева и по очереди переставляя их вдоль него, Пуша добрался до мамы,

а она все это время, не замечая ничего вокруг, увлеченно продолжала инструктаж: «Обязательно угости желудями и орехами своих будущих друзей. И про ягоды не забудь!»

«Прекрасно! Угощения это как раз то, что мне сейчас нужно, – с грустью подумал Пуша, – вот если бы оставить сумку всем на лакомство и убежать ото всех в лес. Лес... Сколько там интересного. Да-а, Учитель Студень наверняка бы этого бы не одобрил», – тут же одернул себя Пуша.

– Кстати, а почему Учитель Студень? – спросил он, когда внеплановый урок по древолазанию был окончен и теперь до места, где проходили классы, оставалось совсем немного: за холмом располагался небольшой луг, посередине которого росла пара сросшихся стволами дубов, – вместе они образовывали классный комплекс для занятий.

– Учителя зовут Студень, потому что он и зимой, и летом кутается в кленовый платок. Словно ему все время студено. А еще он не лю...

Но Пуша не услышал последнее предложение, потому что его ушки уловили чей-то горький плач. Сначала он не хотел обращать на это внимание, к тому же мама, наверняка, его потеряет, но плач он так посередине леса, хотелось бы ему, чтобы кто-то поинтересовался его горестями? Без сомнения! Кроме того, нос от любопытства все время чесался, убеждая поддаться искушению узнать, что происходит возле того розового куста. Пуша подошел ближе и увидел, что на красном цветке, держа полупрозрачный рваный платок, рыдает черный паучок.

– Почему ты плачешь? – обратился Пуша к несчастному.

– Как же мне не плакать, когда мой дом разрушен? – заходясь от слез, ответил он.

– И где же твой дом?

– Да вот он, – паучок прижал к сердцу разорванную паутину, – Я растянул сети вон от того стебелька к этому, – паучок топнул по зеленой перекладине, на которой сидел. – И тут налетел сильный ветер, куст качнулся и шипами порвал паутину. И так всегда. Бедный я! За что лесные духи меня не любят?!

Паучок вскинул лапки к небу и снова заплакал, вспомнив эти пренеприятные события.

– Чем же ты рассердил лесных духов? Неужели сделал что-нибудь плохое?

– Я?! – возмутился паучок, – Я ничего не делал! Это все противный лягушонок. С него все мои несчастья начались. Он разрушил мой дом в первый раз.

– Зачем же он это сделал?

– Ах, если бы я только знал! В заброшенном доме света не сыщешь... – паучок шумно высморкался в паутинку. – Я возвращался с прогулки, когда он – зеленый пакостник! – дожевывал мой домик и бросился от меня бежать. Только и сверкали его лягушачьи лапки.

– Как некрасиво! – не мог поверить Пуша.

– Это безобразно, если хочешь знать! Но лесные духи его наказали. А если подумать, то лучше бы и не наказывали, – может, и нам бы всем спокойней было. Что ты так на меня смотришь, соня? – паучок, недоумевая, вытаращил глаза. – Превратился тот лягушонок в страшного и озлобленного Жабьего Повелителя на ужас нашему лесу! Неужели ты про него не слышал?

Пуша и правда не слышал о жабе. Да и когда?

– Понятно, ты я вижу совсем молодой соня. У тебя хоть классы уже начались?

– Нет, – ответил Пуша.

– Так это... я зря тут наговорил, наверное... Ты никому не скажешь, что я тебе сболтнул? – с опаской спросил паучок.

Пуша заверил, что все известные ему секреты с ним и останутся. Теперь к новой информации о школе, Королевском лесу добавилась не менее секретная информация о Жабьем Повелителе.

– Ну, раз уж начал, а ты, не забудь, мне пообещал молчать, то я все же предостерегу тебя, соня, – прошептал паучок. – Знай, что незачем тебе ходить на болото в самый конец леса. Понял? Жабий Повелитель очень злой, берегись его. А еще от него дурно пахнет, страшнее чудища я не встречал.

Пуша не успел отреагировать на предостережение, как паучок снова запричитал: «Ш-ш-то же мне теперь дела-а-ть? Я у-устал натягивать новые сети. Нет мне покоя!»

– Так зачем же ты паутину на розовом кусте сплел? Вон у него какие шипы, – Пуша осторожно коснулся острой иголки, – Слезам тут не поможешь. Если начать сейчас, то к вечеру у тебя будет новый домик. Давай, я помогу тебе.

Пуша подвинул к паучку розовый носик. Тот, все еще икая от слез, перебрался на соню и теперь ждал, когда его перенесут поглубже в лес. Вместе они выбрали новое место для дома – ивовый кустарник, под его листьями как раз было тихо и спокойно. «Идеальное место для паутины, – подумал паучок, – и какой хороший соня мне попался».

Вдруг соня почувствовал сладковатый привкус на языке, точно такой, какой оставался после целой бутылочки любимого кленового сиропа. «Неужели добрая услуга имеет свой вкус...» – эта мысль привела Пушу в совершенный восторг. Оказывается, помощь другим может быть не менее сладкой, чем само лакомство... «Мама! – с ужасом вспомнил Пуша. – Она же меня обыскала!», – и бросился бежать, но паучок начал отсыпать благодарности и спрашивать его имя.

– Пуша, меня зовут Пуша, – прокричал малыш, убегая к холму, за которым его ждали лесные классы, вечно мерзнувший Учитель Студень и, наверное, очень рассерженная мама.

Только вот, когда Пуша стремглав бежал на занятия, перепрыгнуть через терновый куст, не ужалив хвост, не получилось. И заметил он это только возле классных дубов. «Ах, как обидно!» – завертелся Пуша, разглядывая слегка подранный хвост. И хотя он доставлял ему массу хлопот и переживаний, соня уже начал к нему привыкать, поэтому было ну просто до терновникового куста, как обидно повредить его именно сейчас! Ведь предстояло в такой потрепанной красе показаться всему классу.

По лесному обычаю при входе в могучие дубы висела табличка:

«Лесной ты житель, входи в учебную обитель и не забудь, что лес – наш дом: и под кустом, и под корнем».

Не успел Пуша открыть невысокую арочную дверь, как к нему кинулась мама Соня.

– Где же ты был?! Мы собрались искать тебя, – тараторила она и тут запнулась, когда заметила порванный хвост, который Пуша усиленно прятал то за одним боком, то за другим, мешая ей разглядеть масштабы повреждений.

– А это, значит, наш пропавший соня? – услышал Пуша чей-то гнусавый голос. Перед ним, сторбившись и постукивая друг об друга пальчиками коротких лапок, стоял бобер. Его спину прикрывал тот самый платок, сшитый из пожелтевших листьев клена.

– Учитель Студень, вы уж простите Пушу, – оправдывалась мама, прилизывая рыжую шерсть сына.

– Ничего, ничего, госпожа Соня, – успокоил ее бобер, – главное Пуша здесь и мы начнем.

Учитель, волоча за собой покрытый серыми щитками хвост, открыл еще одну дверцу и пригласил Пушу войти. Мама что-то строго сказала ему про возвращение домой сразу после классов, но это было уже отдаленным эхом. Впереди его ждало множество любопытных глаз, и это очень пугало. Пуша для уверенности дотронулся до леонита и вошел в зал.

IV. И не белка, и не крот, надерите Пуше хвост!

Всеобщий галдеж тут же прекратился, все смотрели на Пушу. Каких же усилий ему стоило не распушить от растерянности хвост! Здесь важно отдать должное Студню, который пропустил представление сони ученикам, и сразу посадил его на пенек. Однако скоро стало ясно, что никому нет дела до Пуши и, тем более, до его хвоста. То ли мало, кто из присутствующих в силу возраста знал про эту его особенность, то ли «Лесным вестям» следовало больше внимания уделять популярности среди местных жителей, но, скорее всего, каждый просто был увлечен собой и новыми впечатлениями от занятий. И вот тогда Пуша смог изучить обстановку. Внутри было светло: лучи солнца через маленькие окошки в стволах освещали класс десятком природных прожекторов. Ученики сидели на двух ярусах: на нижнем, на скамеечке сучала пара черно-былых барсуков с заостренной мордой, на другой скамейке одиноко расположился непонятно с чего насупившийся детеныш дикобраза с гривой из длинных иголок. «Все побоялись уколотся, вот и отсели подальше,» – подумал Пуша. На третьей скамье, вертя узкими ушами, сидели сестры – земляные зайчихи, у которых задние лапы были существенно длиннее передних, и это показалось Пуше очень смешным. Вроде и зайцы, да и не совсем.

Со второго же яруса постоянно доносился легкий щебет. Соня посмотрел наверх и увидел, что на жердочках сидят птенцы: с желто-зеленой спинкой и длинным острым клювом нахохлился чирик, а на соседней перекладине – чернокрылый зяблик с бурым горлышком чистил перышки.

– Что ж... – начал учитель, говоря в нос. Кто-то хихикнул, но Студень, кажется, этого не заметил. – Я очень рад приветствовать подрастающее лесное поколение. Значится, наш лес будет жить! В течение этого года я расскажу вам о нашей жизни – вы должны хорошо знать место своего обитания.

Вот и решили в самый первый день в классе не сидеть, а сразу приступить к практическим занятиям, то есть пойти прогуляться. Птенцы могли размять крылышки, весело порхая над теми, кому летать не дано; дикобраз, сопя, переваливался с лапы на лапу; барсуки неуклюже плелись за ним, зайчихи же скакали впереди всех. Студень привел учеников к местной реке Чистянке, где зеленоголовая утка кряква с синим колечком на шее недавно вывела птенцов, и теперь учила их плавать. Всей стайкой они держались поближе к маме, а она приободряла их, крылом подталкивая к середине реки. «О, неужели это тот соня с самым пушистым хвостом в лесу?» – взволнованно спросила она.

Пуша спрятал хвост подальше от любопытной кряквы, да и от всех остальных тоже. Хвастаться, тем более раненным достоинством, не было ни малейшего желания. Студень подтвердил догадки утки. «И что, Учитель, успел ли наш герой проявить себя?» – не унималась кряква.

Пуше не очень-то понравилась эта бестактная водоплавающая дама, да еще эти ее дурацкие вопросы. Учитель ответил, что Пуша еще невелик и не успел пока совершить что-то значимое, но, наверняка, скоро себя проявит. От неготовности «в скором времени себя проявить» Пуша почувствовал себя крайне неуверенно и, чтобы развеяться, отправился к кустам, откуда слышались возмущенные щебетания.

Выяснилось, что шум устроили Зеленушка с Четкой из «Лесных вестей». Каждая перетягивала недоумевающего птенца в свою сторону, а в соседних кустах за сценкой подглядывал старый кролик – бородач, и, смеясь, потирал лапы. Шутка с подменой яйца удалась на славу!

Следующей остановкой был флорусовый луг, на котором росли будущие флоринки, а пока просто флорусы – цветы то бишь, только ужасно болтливые. А прямо посередине лежала черепаха по имени Уда, вернее ее панцирь, словно драгоценный камень переливающийся на солнце.

– А где сама черепаха? – хором спросили сестры-зайчихи, – они первыми оказались на месте.

– Спит в панцире, – ответил Учитель Студень, подойдя ближе.

– Почему она все время спит? – спросил зяблик.

– И почему она такая красивая и блестящая? – поддержал чирик, зависая над черепахой в воздухе.

– Ну, значит, не все время она спит, – возразил Учитель, – хотя, если честно, почти все время, – Студень издал легкий смешок. – Но все же на час она просыпается, точно в полнолуние. А почему она стала такой, я и не знаю, не очень она разговорчивая.

– И скоро она опять проснется? – вытянул шею Пуша. Дикобраз, ошивавшийся рядом, понюхал черепаший панцирь и то ли запах ему его не понравился, то ли еще чего, но он смачно чихнул.

– Будь здоров! – сказал ему Студень, дикобраз в ответ кивнул. – Сегодня пятнадцатые лунные сутки, – прикинул Учитель, – а пока Амантис растет...

– Кто?! – переспросили ученики.

– Амантис, о, наш спаситель! – в эту же секунду в голос запели флорусы.

– Тихо, болтуны! Только дай им волю, все разрезвонят! – недовольно осек их бобер. – Пока все, что детям надо знать это то, что Амантис и есть Луна. Через неделю будет фестиваль смелости Амантиса или праздник Луны и жаркого Солнца – там вы все и узнаете. А проснется она, значит, где-то через две недели. Точнее вам Звездочет скажет.

– Учитель Студень, а почему мы не должны знать все и сразу? – спросил Пуша. Он припомнил, что уже не в первый раз ему доводилось слышать: «Никому не рассказывай – ты еще молодой, узнаешь потом...» или «У тебя хоть классы начались? Тогда никому не говори...». Студень ответил, ничуть не задумавшись, будто бы эта мысль всегда крутилась в его голове: «А ты попробуй построить дом без веток, земли или дерева. Чем меньше у вас начальных знаний, тем легче вам сделать неправильные выводы в дальнейшем. Поэтому всему свое время». Но любопытство ведь всегда узнает все наперед. Хорошо, что Студень не догадывался, что среди его учеников имеется один такой любопытный хвост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.